

ПАВЕЛ КРЕНЁВ

МЯТЕЖ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

С сожалением надо признать, что современная историография до сих пор грешит тенденциозностью. Уж не знаю, беда это историков или их вина, но они всегда, во все времена – сыны и дочери своих эпох. К сожалению, каждое время заставляет своих современников – исследователей отражать себя в нужном ему ракурсе. Надо согласиться, что эпоха, в которой довелось нам жить, совсем не рождала историков объективных, да и не могла их рождать: царство социалистического реализма и партийного подхода ко всем без исключения событиям относилось или однобоко или комплементарно. Являлось необходимым подавать исторические события в тонах и красках, любимых властью. Другой подход исключался: историки были в системе приводных ремней к государственным жерновам.

При всем уважении к советским временам, когда наш народ, пережив немыслимые испытания, достиг небывалых высот в технике и искусстве, нельзя не признать, что степень вульгарного обращения с историей достигла тогда невероятного уровня. Особенно это может касаться событий Октябрьского переворота, гражданской войны, коллективизации, “красного террора”, других переломных моментов новейшей истории.

Хочу показать это на конкретном примере.

Осмелюсь утверждать, что вряд ли найдется хотя бы один мало-мальски осведомленный в истории человек, который бы не знал, что в июле месяце 1918 года партия левых социалистов-революционеров-интернационалистов, традиционно именуемых левыми эсерами, совершила чудовищное преступление – мятеж против советского правительства с целью захвата власти. Для этого эсеры убили германского посла Мирбаха в надежде, что Германия ответит на это возобновлением войны с Россией, прерванной заключением Брестского мира, и всё это поможет левозэсеровской партии захватить вожделенную власть. Ситуацию спасли, как это подается в традиционной интерпретации, славная ВЧК, а также ее Председатель “железный рыцарь революции” Феликс Дзержинский.

Как человек, много профессионально занимавшийся историей, возьму на себя смелость заявить, что практически вся утвердившаяся в нашей историографии схема тех событий, их истоки, течение и последствия никак не соотносятся с реальностью. Они умышленно искажены, а то и сфальсифицированы.

Более того, я утверждаю:

1. Мятежа левых эсеров, якобы состоявшегося 6–7 июля 1918 года, вообще не было.

2. Всё это было грандиозной провокацией, продуманной и осуществленной группой лиц под руководством Л. Д. Троцкого.

Для того чтобы это доказать, необходимо для начала рассмотреть военно-политическую обстановку, сложившуюся в стране на тот исторический момент.

Большевики во главе с Лениным еле-еле держались у власти. Германия заставила Ленина и его ближайших сподвижников подписать в Брест-Литовске “похабный” мирный договор и в соответствии с ним получила во владение огромные территории и право нераздельно выкачивать из страны несметные богатства. Не повезло ей лишь в одном: всё это было не ко времени – она несла тяжелые поражения на фронтах и с трудом сдерживала последние сокрушительные удары войск Антанты и присоединившихся к ним Соединенных Штатов Америки. И всё же надежды ее не покидали: Германия маневрировала и на фронтах и в политике и очень рассчитывала на поддержку Ленина.

Разворачивалась последняя фаза Мировой войны, всё очевиднее становилось, кто победит, кому делить трофеи.

Ленин через определенных людей просил у немцев финансовой и моральной помощи, требовал усилить его позиции, насколько это было возможно. И вот в конце апреля 1918 года в Москву прибывает германское посольство. Его возглавляет сорокасемилетний опытный дипломат, уже несколько лет работавший ранее на различных должностях в германском посольстве в Петрограде, граф Вильгельм фон Мирбах Горд.

Его задача – всячески поддержать большевиков. Конечно, известны ему и неискренность его правительства по отношению к большевикам, и реальное отношение к ним.

“Политично использовать большевиков до тех пор, пока они еще могут что-то дать”.

Это слова статс-секретаря Министерства иностранных дел Германии адмирала фон Хинтца. Как видно, они не содержат большой симпатии к кремлевским хозяевам. Зато искренние. Ровно как и следующие слова того же крупного чиновника:

“Большевики – крайне плохие и несимпатичные люди; это не помешало нам навязать Брест-Литовский мир и постепенно отнимать у них землю и людей еще сверх того. Мы выбили из них, что могли, наше стремление к победе требует, чтобы мы это продолжили, пока они еще находятся у руля... Чего же мы хотим на Востоке? Военного паралича России. Его большевики обеспечивают лучше и основательнее, чем любая другая российская партия”.

Следуя этой циничной, но железной логике, граф Мирбах направляет главные свои усилия на поддержку явно шатающегося большевистского режима. Он лично вникает во все детали катастрофической ситуации, встречается с лидерами большевистской партии, имеет в результате объективную картину положения дел и скоро переходит к конкретным шагам по укреплению ленинской власти в интересах Германии.

3 июня 1918 года он делает своему правительству первый запрос относительно срочной финансовой помощи правительству России в размере 3 миллионов марок ежемесячно.

“При сильной конкуренции Антанты требуется около трех миллионов марок ежемесячно. В случае возможно неизбежного в скором времени изменения нашей политической линии следует считаться с более высокими потребностями. Мирбах”.

Несмотря на тяжелейшее положение на фронтах, деньги Германия нашла. 27 июня из ее Министерства иностранных дел последовал ответ:

“Запрошенная месячная сумма предоставляется впредь до особого распоряжения. Прошу в особенности противодействовать влиянию Антанты всеми способами. Более подробное указание об отчетности последует”. В скором времени сумма была увеличена и достигла 40 миллионов марок.

Таким образом, германский посол Мирбах добился финансирования большевиков во главе с Лениным, и таким способом “германская партия” укрепила свои позиции.

Безусловно, это произошло в противовес другой не менее сильной, не менее циничной и агрессивной в достижении своих целей – прозападной партии, работавшей на интересы Англии, Франции и США. Возглавлял ее изощренно коварный мастер закулисных интриг, вечный соперник Ленина,

военный нарком Л. Д. Троцкий (Бронштейн). Российский революционер с большим стажем, приехавший в Россию из США, где он находился в эмиграции, и имевший американский паспорт, выданный ему лично Президентом Соединенных Штатов Вудро Вильсоном, практически откровенно работал на эту страну и активно взаимодействовал с представителями Антанты в России.

Мирбах, укрепляя позиции Германии в России, объективно сильно мешал Троцкому и прозападникам во властных структурах. Презрительно именуемый Свердловым “денежный посол” (по названию Денежного переулка, на котором располагалось посольство), он с точки зрения Антанты и США перешел границы дозволенного и своей активностью подписал себе смертный приговор.

Его убийство явилось составной частью провокации, известной в советской историографии как “мятеж левых эсеров”.

Нужно было только найти повод и выбрать подходящую дату.

К 6 июля отношения между США, Антантой и Германией в российском вопросе стали критическими, а фигура немецкого посла в России Мирбаха стала очень значительной. Представители стран-союзниц рассматривали его как “теневого диктатора”, который подмял под себя российское правительство. Он и в самом деле решительным образом поддерживал большевиков. Мирбах докладывал в Берлин: “Реализация наших интересов требует поддержки большевистского правительства. Если оно падет, то его наследники будут более благосклонны к Антанте”...

В свою очередь союзники выражались в адрес Германии не менее определенно. 4 июля 1918 года, когда в США отмечался День Независимости, американский посол в России Фрэнсис обратился к народу России:

“Мы никогда не согласимся, чтобы Россия превратилась в германскую провинцию, мы не будем безучастно наблюдать, как немцы эксплуатируют русский народ, как они будут стремиться обратить к своей выгоде огромные ресурсы России”.

За очевидной демагогией относительно заботы о русском народе в послании отчетливо высвечивается угроза, нависшая над немецким послом.

Мирбах стал настоящим препятствием для стран-союзниц еще и потому, что именно в это время они начали массированную интервенцию войск Антанты на Севере и на Юге России. Именно в эти дни президент США В. Вильсон благословил еще одну интервенцию — наступление чехословацкого корпуса. Союзники явно готовились потеснить немцев, нейтрализовать их влияние и захватить всю Россию.

Безусловно, столь очевидное и опасное противостояние долго продолжаться не могло. Мирбах тем или иным способом должен был быть нейтрализован. Он сильно мешал не только на российском, но и межгосударственном уровне.

Сведения о готовящемся покушении на германского посла стали поступать в ВЧК задолго до самого этого события.

Еще в апреле работавший в Москве французский военный разведчик капитан Жак Садуль передал Дзержинскому и Троцкому информацию о подготовке провокации с покушением на Мирбаха. Он сам пишет в своей книге “Записки о большевистской революции”, что никаких мер по этому поводу принято не было.

Странно: идет подготовка к убийству посла страны-союзницы, а меры по предотвращению этого не принимаются.

Дальше — больше.

В середине июня заместитель наркома иностранных дел России Л. М. Карахан представил Дзержинскому сведения, полученные из немецкого посольства, о подготовке покушения на посла Германии и других работников посольства. Был также передан список конкретных лиц, готовящих заговор и их адреса. ВЧК снова не предприняла предупредительных мер.

28 июня Дзержинскому опять передали новые данные, что на квартире № 35 по адресу Петровка, дом 19 проживает англичанин Ф. М. Уайбер, который возглавляет подготовку заговора против германского посольства. В результате проведенного чекистами обыска по данному адресу был задержан сам Уайбер и изъяты документы, в самом деле свидетельствующие о подготовке покушения, а также секретные коды для составления шифрованных текстов. Однако на допросе англичанин заявил, что не знает, как эти документы

попали к нему на квартиру, и он был из ВЧК почему-то отпущен на свободу и немедленно покинул Россию.

Далее события с точки зрения нормальной логики разворачивались совсем уж нелепо.

Карахан устроил встречу Дзержинского с сотрудниками немецкого посольства Рицлером и Миллером, отвечающим за безопасность посольства. Те рассказали главному чекисту еще много фактов, однозначно свидетельствующих о готовящейся провокации, назвали даже имена своих тайных осведомителей, организовали встречи Дзержинского с этими осведомителями (Бендерской и Гинчем), но по странной логике руководитель ВЧК не придавал этому должного значения и сделал единственный вывод: германское посольство кто-то шантажирует. И никаких мер почему-то не принял, хотя полученная им информация была более чем конкретна. Единственно, что он совершил – арестовал осведомителей. Есть основания полагать, что дальнейшая судьба и Гинча и Бендерской весьма и весьма печальна: они слишком много знали.

Когда Дзержинский после убийства графа Мирбаха пришел для разбирательства в германское посольство, лейтенант Миллер встретил его горьким упреком: “Что Вы теперь скажете, господин Дзержинский?”

Само покушение, которое, согласно российской и зарубежной историографии, явилось сигналом для начала восстания партии левых эсеров против советской власти, подробно описано во множестве литературно-исторических источников, и нет большого смысла останавливаться на детальном о нем рассказе. Однако следует, вероятно, указать на основное содержание тех событий.

Итак, в середине дня 6 июля 1918 года сотрудники Всероссийской чрезвычайной комиссии Яков Блюмкин и Николай Андреев, члены партии левых эсеров, явились в германское посольство и предъявили якобы липовый мандат, подписанный Председателем ВЧК Ф. Дзержинским и его заместителем Ксенофоновым, содержащий просьбу встречи с послом. Предлогом для встречи явилось решение дальнейшей судьбы племянника Мирбаха, воевавшего на стороне Австрии и попавшего в русский плен. Во время состоявшихся переговоров германский посол граф Мирбах был убит. Его убийцы Блюмкин и Андреев укрылись в Боевом полку ВЧК, которым командовал Дмитрий Попов, также левый эсер. Затем, как повествуется в нашей истории, полк ВЧК восстал и вместе с ним восстала партия левых эсеров, желавшая разорвать мирные отношения с Германией и возобновить с ней войну. И только благодаря слаженным и умелым действиям чекистов и Красной гвардии, объединенных боевым руководством ленинской коммунистической партии, коварные замыслы буржуазных недобитков – левых эсеров были разоблачены и предотвращены.

Хочу выступить категорическим оппонентом такой вот точки зрения и постараюсь сделать это аргументированно.

Во всей исторической литературе говорится одно и то же: на мандате, выданном Блюмкину и Андрееву, стоит подпись Ф. Дзержинского, однако это подпись поддельна и подделал ее не кто иной, как заместитель Дзержинского В. А. Александрович (Дмитриевский), тоже левый эсер, за что он и был немедленно расстрелян.

Смею утверждать: подпись Дзержинского никто не подделывал, это реальная подпись. Я хорошо знаю его подпись, так как много раз видел ее на подлинных документах в Центральном и других областных архивах управлений Комитета Государственной безопасности нашей страны.

Чтобы это доказать, нужно всего лишь внимательно изучить уже опубликованные в открытых источниках документы того времени и сопоставить некоторые изложенные в них факты.

Нам известно, что в 1918–1919 годах Яков Блюмкин находился на подпольной работе на Украине. В апреле 1919 года он явился в Киевскую ВЧК и сдался советским властям. Там он дал письменные показания, касающиеся деталей убийства Мирбаха и событий 6–7 июля 1918 года в целом. Понятно, что из Киева ему было трудно согласовать с руководством ВЧК, находящимся в Москве, все детали того, что следовало указывать в своих показаниях, а что нет. Поэтому этот молодой человек (ему на тот момент было всего семнадцать с половиной лет) письменно сообщил то, чего ему с точки зрения того же Дзержинского совсем не следовало бы указывать. Например, в показаниях от

17–19 апреля он описывает весь процесс подготовки того самого мандата, под которым злокозненный заместитель Дзержинского Александрович якобы подделал подпись своего начальника. Он пишет:

“До чего неожидан и поспешен для нас был июльский акт, говорит следующее: в ночь на 6-е мы почти не спали и приготавливались психологически и организационно. Утром 6-го я пошел в Комиссию (в ВЧК. — П. К.); кажется, была суббота. У дежурной барышни в общей канцелярии я попросил бланк Комиссии и в канцелярии отдела контрреволюции напечатал на нем следующее: “Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией уполномочивает ее члена Якова Блюмкина и представителя революционного трибунала Николая Андреева войти непосредственно в переговоры с господином германским послом в России графом Вильгельмом Мирбахом по делу, имеющему непосредственное отношение к самому господину германскому послу.

Председатель Комиссии
Секретарь

Ф. Дзержинский
Ксенофонов”

Далее Блюмкин сообщает, казалось бы, верные детали, но не зная в точности, что можно теперь говорить, а что нет, он ненароком дает показания, которые, я в этом уверен, навсегда скомпрометируют личность “рыцаря революции”:

“Подпись секретаря (т. Ксенофонтова) подделал я, подпись председателя (Дзержинского) — один из членов ЦК.

Когда пришел **ничего не знавший** (выделено мной. — П. К.) товарищ председателя ВЧК Вячеслав Александрович, я попросил его поставить на мандате печать комиссии. Кроме того, я взял у него записку в гараж на полученные автомобиля. После этого я заявил ему о том, что по постановлению ЦК сегодня убью графа Мирбаха”.

Вот теперь разберемся, как эта информация стыкуется (или не стыкуется) с общеизвестной историографией, из которой следует, что Александрович подделал подпись Дзержинского.

Никак не стыкуется.

Согласитесь: Блюмкин говорит, что подпись Дзержинского подделал некий член ЦК партии эсеров. Но ведь известно любому школьнику, член ЦК эсеровской партии В. Александрович как раз за эту подделку и был расстрелян. Значит, это преступление он и совершил. А чекист Яков Блюмкин утверждает, что В. А. Александрович ничего и не подделывал и даже ничего не подписывал. Он только “поставил на мандате печать”.

И потом, это явное ощущение страшной спешки и нервной обстановки (“мы почти не спали и приготавливались психологически”)... Разве можно в такой обстановке подделывать какие-то подписи. Да еще такие сложные, как у Дзержинского. Чтобы качественно подделать такую подпись, надо неделю тренироваться. Кроме того, как утверждает Блюмкин, Александрович был вообще не в курсе, что от имени его партии готовится политическое убийство, ведь Блюмкин только в конце их встречи сообщил, что идет убивать Мирбаха. Помните его слова: “пришел ничего не знавший Александрович”. И, посудите сами, разве стал бы совершенно разумный и авторитетный человек Вячеслав Александрович, пользующийся доверием Дзержинского, хранивший в своем сейфе гербовую печать ВЧК и абсолютно не посвященный в подготовку убийства германского посла (а это я докажу в дальнейшем своем рассказе), стал бы вдруг что-то спешно и тайно подделывать и втравливать своего шефа в международную кровавую провокацию?

Верю твердо: он бы не пошел на такую грязную акцию. Тем более, что его партия на это не уполномочивала (и это тоже мы в дальнейшем рассказе покажем), а делу своей крестьянской партии совсем еще молодой человек Александрович (ему на тот период было всего 32 года) был беззаветно предан до конца своих дней.

Теперь давайте спросим любого канцелярского работника, при каких условиях на документе ставится печать? И он вам ответит: печать ставится только тогда, когда под текстом документа стоят подписи соответствующих ответственных работников. Не трудно теперь нам с вами сообразить, что реальные подписи Дзержинского и Ксенофонтова под текстом мандата, представленного Блюмкиным Александровичу, уже стояли и тот смело поставил печать.

Значит, перед тем, как в страшной спешке прибежать к Александровичу (ведь уже идет 6 июля и надо было еще так много успеть), Блюмкин заходил в кабинеты Дзержинского и Ксенофонтова...

В полдень, 6 июля Дзержинскому позвонил Ленин, сообщил, что убит Мирбах, и дал указание во всем лично разобраться. Феликс Эдмундович “вместе с Караханом, с отрядом, следователями и комиссарами”, как он сам укажет в своих показаниях, поехал в немецкое посольство. Там он с ужасом узнал, что подписанный им мандат находится в посольстве. Блюмкин и Андреев должны были предъявить его сотрудникам посольства и затем забрать с собой и, безусловно, уничтожить или вернуть Дзержинскому. Но в страшной суматохе своего преступления молодые чекисты забыли его в посольстве на столе. Теперь этот документ предстал перед множеством людей, пришедших с Дзержинским. Все они теперь стали свидетелями ужасной для него ситуации.

Дзержинский забрал бумагу и какое-то время обдумывал создавшееся положение.

Понятно, что его подпись должна быть дезавуирована. Ее кто-то подделал. Но кто? Об этой бумаге знали всего несколько человек: он сам, Ксенофонтов, Блюмкин с Андреевым и Александрович. Требовалось срочно назначить “виновника”. Выбор пал на Александровича. Таким образом достигалось две цели: отводилось подозрение от самого Дзержинского и вина возлагалась на партию левых эсеров, видным деятелем которой был Александрович.

Человек с богатым революционным стажем, прошедший тюрьмы, каторги, побеги и эмиграцию, член Центрального Комитета партии левых социалистов – революционеров-интернационалистов, занимавший важный пост заместителя Председателя Всероссийской Чрезвычайной комиссии Вячеслав Александрович Дмитриевский (Александрович) уже через сутки, в ночь с 8 на 9 июля 1918 года был расстрелян. Перед расстрелом никто его не допрашивал. Он был расстрелян в спешке, без суда и следствия. Да и о чём бы мог рассказать человек, который ничего не совершал?

Свидетели рассказывали, что свою смерть он принял достойно и никого ни о чём не просил. Наверно, он понимал, что это бесполезно.

Такова цена забытой на столе бумаги.

Кстати, через несколько лет, когда Блюмкин жил на квартире наркома просвещения Луначарского, что в Денежном переулке в Москве, в беседе с женой наркома Наталией Розенель и ее двоюродной сестрой Татьяной Сац он, рассказывая им об обстоятельствах убийства Мирбаха, заявил, что “Дзержинский обо всём знал”.

Летом 1918 года в правительственных кругах России сложилась крайне тяжелая ситуация. Она усугублялась мало внешне заметным, но отчаянным противостоянием двух смертельно воюющих друг с другом группировок в самом правительстве: ленинской и другой, во главе с Троцким. Суть этого противостояния заключалась в обыденной вещи, характерной и для нынешних времен: они отрабатывали интересы противоборствующих геополитических финансово-олигархических группировок. Господина Бронштейна-Троцкого, прибывшего в Россию из Америки, там тепло провожали и напутствовали люди Моргана и Рокфеллера, а президент США Вильсон лично (!) выхлопотал ему американский паспорт. Так на кого же после этого должен был работать Бронштейн? Не на Россию же. И уж точно не на Германию. Когда-нибудь мы расскажем и о том, что это коренное противостояние внешних капиталов едва не привело к гибели Ленина. Опубликовано уже достаточно материалов, прямо свидетельствующих, что покушение Фаины Каплан на вождя организовал ближайший сподвижник Троцкого Яков Свердлов, величайший и хитроумнейший интриган.

В ближний круг Троцкого, кроме Свердлова, входили также Н. Бухарин, К. Радек, Л. Каменев, Г. Зиновьев, Ф. Дзержинский, многие высшие военные.

Чтобы убедиться в отношении Дзержинского, что это так, обратимся к мнению весьма авторитетного человека – И. Сталина, который, чего уж там, совсем неплохо знал истинные взгляды своих соратников. Выступая 2 июня 1937 года на Военном Совете Наркомата обороны, он сказал:

“Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог оставаться пассивным в чём-либо. Это был очень активный троцкист, и всё ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось”.

Сталин знал, о чем говорил. Может быть, в этом и кроется загадка внезапной смерти Дзержинского летом 1926 года. Сразу после его смерти началось уничтожение троцкистов, а потом и самого Троцкого.

Рассмотрим теперь глубинный смысл событий, связанных с покушением на германского посла.

К июлю 1918 года влияние немцев на главу правительства России В. И. Ленина объективно ослабевало в связи с явным грядущим поражением Германии в мировой войне. Остатки этого влияния, с точки зрения стран-союзниц, необходимо было свести к нулю какой-то крупной акцией. Германия, конечно, могла бы огрызнуться на нее своими слабыми уже силами, но остатки ее войск и так с трудом сдерживали натиск союзников.

Убийство германского посла Мирбаха и должно было стать такой акцией. Германия после этого прервала бы брестские договоренности, вступила бы в новую войну с Россией. Тем самым ослабились бы ее позиции на английском и французском фронтах. Однако ее наступление на Москву было бы смято многотысячной армией чехословаков, которых Троцкий искусственно сдерживал на территории России, а также войсками интервентов, уже высадившихся на российских окраинах. Это означало бы конец войны и наступление эры владычества Соединенных Штатов над Россией.

Попробуем теперь реконструировать ход последующих событий.

Итак, необходимо было убить Мирбаха. Полагаю, что эту задачу Троцкий и Свердлов поставили перед Дзержинским. Ему надлежало через свою агентуру обеспечить выполнение этой задачи.

Одновременно стал прорабатываться вопрос избавления от левых эсеров. Председатель ВЦИКа Я. М. Свердлов убеждал: с ними невозможно принять ни одно решение. По любому пустяку устраивают говорильню. Пора их гнать из Советов. Думаю, что вопрос о Мирбахе должен быть соединен с вопросом об эсерах...

Летом 1918 года левые эсеры в последнее время и впрямь стали непредсказуемо агрессивны. 24 июня их ЦК принял постановление об организации террористических актов. Надо было принимать превентивные меры.

Великий режиссер революционной коммунистической вакханалии Лев Троцкий поставил на советской сцене спектакль под названием "Мятеж левых эсеров" и написал роли для артистов. Те, кто хорошо сыграл, получили награды и звания, и аплодисменты зрителей. И как хорошие артисты стали уважаемы в народе и почитаемы партией. Правда, ненадолго, потому, что в перевернутые эпохи шкала ценностей тоже перевернута и слава долго не живет. Так же как не живут долго и сами люди. Их уносят за горизонты событий революционные ветры, пахнущие человеческой кровью.

Яков Блюмкин вместо того, чтобы понести наказание и быть расстрелянным (ведь Вячеслава Александровича расстреляли вообще ни за что), после покушения на Мирбаха оказывается вдруг на Украине и занимается "подпольной партизанской работой" против Махно и других врагов советской власти. По странному совпадению, именно в это время организацией этой самой партизанской работы на Украине занимается Ф. Э. Дзержинский. То есть Блюмкин служит в подчинении Дзержинского в то самое время, когда ВЧК его "активно разыскивает".

Нельзя также не упомянуть, что перед этим смертная казнь Блюмкина по личному указанию Троцкого была заменена "на искупление вины в боях по защите революции".

Удивительный этот пройдоха Блюмкин умудрился в этот же период по заданию ВЦИК (то есть Свердлова) поучаствовать вместе с махновцами (!) в подготовке покушения на адмирала Колчака.

Наконец, в апреле 1918 года он, как мы уже говорили, приходит в Киевскую ЧК, сдается ее Председателю М. Лацису и заявляет, что готов понести заслуженное возмездие, от которого он целый год скрывался. Все это нельзя назвать иначе, как лицемерием по договоренности. Какое уж тут возмездие со стороны ВЧК, если он всё это время выполнял задания этой самой ВЧК?

Уже в мае 1919 года Особая следственная комиссия по согласованию с Президиумом ВЦИК (Я. М. Свердлов) и с одобрения Ф. Э. Дзержинского принимает решение об амнистии Я. Блюмкина ("ввиду его добровольной явки в ВЧК").

Иначе как клоунадой все это не назовешь.

Дальнейшая жизнь Якова Блюмкина – сплошной детектив. И везде и всюду он служит в структурах, возглавляемых Л. Троцким и Ф. Дзержинским.

Вскоре по личной рекомендации Дзержинского он вступает в РКП(б), принимает участие в чекистских операциях на Украине, организует партизанское движение в тылу Деникина. Затем он переходит на службу в Красную Армию и, как подчиненный Троцкого воюет на Южном фронте в качестве командира 79 бригады. В 1920–1921 годах по направлению Троцкого учится в Военной академии РККА и после ее окончания работает не кем иным, как начальником охраны Народного Комиссара по военным и морским делам Л. Д. Троцкого, является его ближайшим доверенным человеком.

А далее, когда карьера Троцкого пошла на спад, Блюмкина опять переводят под покровительство Дзержинского. И он трудится на генеральских должностях в советской разведке на территориях Закавказья, Монголии, Палестины, Афганистана, Индии, Турции... (Кстати, в это же время примерно в этих же странах в советской разведке служил также на генеральских должностях другой известный авантюрист, тоже бывший одессит – Лев Натанович Зинковский, имевший партийный псевдоним Лев Задов, который у Нестора Махно был начальником контрразведки. Он известен, в том числе, по роману Алексея Толстого “Хождение по мукам”). Конец фантастической карьере Блюмкина пришел в 1929 году, когда он в Константинополе нелегально повстречался со своим покровителем Львом Троцким и получил от него инструкции по организации подрывной работы в СССР.

Тайная встреча с личным врагом Сталина – это вам не бирюльки вроде убийства какого-то там иностранного посла. Это куда как посерьезнее. Блюмкина, конечно же, немедленно арестовали и сразу же расстреляли.

Говорят, он умер, как герой, как герой, крикнув перед смертью: “Да здравствует вождь мировой революции Лев Давыдович Троцкий!”

И запел “Интернационал”.

Песню он не допел...

Показательна судьба еще одного участника покушения на графа Мирбаха – Якова Моисеевича Фишмана. Именно он самолично изготовил бомбы, которыми Блюмкин и Андреев убивали Мирбаха.

Фишман с дореволюционных времен был близким человеком Льву Давидовичу. Достаточно сказать, что они рука об руку работали в Петроградском Совете рабочих депутатов, который возглавлял Троцкий, и оба были членами его Военно-революционного комитета, вместе готовили и совершали октябрьский переворот. И хотя Фишман состоял в партии левых эсеров, он всегда был в дружеских отношениях с Троцким, что нам ясно продемонстрирует ход дальнейших событий.

Фишман еще до революции, находясь в эмиграции, закончил химический факультет Неаполитанского университета (Италия), был специалистом подрывного дела. Кроме того, летом 1918 года он являлся не просто рядовым партийцем, а состоял членом ЦК левоэсеровской партии. Кому, как не ему, Троцкий и Дзержинский могли доверить изготовление бомб? Это ведь тоже решало две проблемы – и подготовку оружия и возможность потом все свалить на левых эсеров. Что и было сделано.

И всё получилось удачно. Бомбы сработали и наделали много шума, эсеры были скомпрометированы, а Фишман сразу после этого, вместо того, чтобы сесть в тюрьму, резко пошел в гору. Естественно, при поддержке своего друга Троцкого.

Дальнейшая его судьба поразительно напоминает судьбу Якова Блюмкина. Это, впрочем, естественно, ведь у них были одни и те же кураторы.

Фишман, как и Блюмкин, “за участие в мятеже” был заочно приговорен к трем годам тюрьмы. Как и Блюмкин, осенью 1918 года бежал на Украину и работал по организации подполья и партизанского движения против белых и Махно в структурах, курируемых Ф. Дзержинским. Как и Блюмкин, был в одно с ним время амнистирован, и как Блюмкин с победой вернулся в Москву. Здесь он, как и Блюмкин, поступает на службу в Красную Армию в ведомство Троцкого, а потом, как и его молодой товарищ, по рекомендации Дзержинского попадает на работу в разведку. Как и Блюмкин, Фишман долго работает за границей и, наконец, в 1925 году становится непосредственным подчиненным

Л. Троцкого — назначается начальником Военно-химического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии. И так далее и так далее, вплоть до получения генеральского звания.

Согласитесь, неплохая карьера для одного из руководителей российской лево-эсеровской партии, так называемого “участника мятежа левых эсеров”, чья бомба убила германского посла в России.

Думаю, и этот исторический персонаж неплохо дополняет наше предположение о том, что никакого “восстания” левых эсеров в июле 1918 года в Москве не было.

И третий участник подготовки покушения — Анастасия Алексеевна Биценко (Камористая). Именно она утром 6 июля получила изготовленные Фишманом бомбы и передала их в своем номере гостиницы “Националь” Блюмкину и Андрееву.

Эта женщина с простым русским лицом в свое время бросила ради революции своего мужа и, вступив в боевое крыло партии социалистов-революционеров, стала террористкой, участвовала в убийствах видных российских деятелей.

Близко познакомилась и подружилась с Л. Троцким и Я. Фишманом в октябрьские дни 1917 года, когда в составе районного Военно-революционного комитета Петросовета действовала на улицах города.

В июле 1918 года Биценко была членом ВЦИК от партии левых эсеров и ее ценил председатель Я. М. Свердлов. Вероятно, кандидатура Биценко для участия в теракте в отношении Мирбаха была Троцким и Дзержинским с ним согласована. В ноябре того же года Биценко по рекомендации Свердлова была принята в члены Коммунистической партии и окончательно, уже легально, порвала с левыми эсерами.

Нельзя не упомянуть еще раз, что под руководством Троцкого Анастасия Биценко принимала участие в Брест-Литовских мирных переговорах и добросовестно исполняла все его указания.

В дальнейшем бывшая эсерка и террористка закончила институт Красной профессуры и состояла на государственной и преподавательской работе. За непосредственное участие в подготовке убийства Мирбаха она Советской властью никак не преследовалась.

Согласитесь, что рассказ об этой участнице тех событий также красноречиво свидетельствует о том, кто же реально стоял за покушением на немецкого посла графа Мирбаха.

Полагаю, что приведенные мною доводы достаточно объективны и вполне обоснованы.

А как же само восстание левых социалистов-революционеров, состоявшееся, как нам утверждает советская историография, шестого и седьмого июля 1918 года сразу после убийства германского посла? Как оно началось, как проходило? О нем ведь написано столько книг и статей, столько фильмов снято.

Анализируя различные источники, исследуя детали тех событий, начинаешь понимать, что в этой мешанине информации трудно найти правду. Как и в описании каждого политически значимого события, здесь много конъюнктурщины, партийного подхода, споров честных и нечестных историков. Главное и однозначное, что я вынес из всего этого: восстания в классическом его понимании, как крайней меры выражения недовольства одной партии или социальной группы против другой, конечно же, не было.

И вот здесь хотелось бы порассуждать, полистать документы, рассмотреть аргументы “за” и “против” этой версии.

Начнем с аргументов, свидетельствующих о том, что политического мятежа левых эсеров против большевистской партии не было.

Сначала пусть выскажутся сами свидетели тех событий.

Вот слова Председателя ЦК партии левых эсеров М. А. Спиридоновой.

“... как они ловко устроили. Сами изобрели “заговор”, сами ведут следствие и допрос. Сами свидетели и сами назначают главных деятелей — и их расстреливают... Как их убедить, что заговора не было, свержения не было... Я начинаю думать, они убедили себя сами, и, если раньше знали, что раздувают и муссируют слухи, теперь они верят сами, что заговор был. Они ведь маньяки. У них правозэсеровские заговоры пеклись, как блины”.

Свидетельство Петра Смидовича, большевика, Председателя Московского Совета рабочих и солдатских депутатов, непосредственного участника всех событий:

“Полагаю, что люди эти (бойцы отряда Д. Попова. — П. К.) не управляли ходом событий, а логика событий захватила их, и они не отдавали себе отчета о том, что они сделали. Ни системы, ни плана у них не было”.

Центральный комитет партии левых эсеров выпустил в те дни воззвание “Ко всем рабочим и красноармейцам”, в котором, в частности, заявлялось: “ЦК ПЛСР категорически заявляет, что ни к какому захвату власти он не стремился...”

Член ЦК партии левых эсеров Ю. Саблин подтверждает: “В ответ на все поступавшие в ЦК предложения об активном поведении по отношению к Совнаркому, предпринимавшему явно враждебные к ЦК и отряду Попова шаги, ЦК отвечал заявлениями о необходимости придерживаться строго оборонительных действий, ни в коем случае не выходя из пределов обороны района, занятого отрядом. Таким образом, совершенно неиспользованным остался караул на телефоне, телеграфе и во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Также неиспользованными остались предложения о захвате Кремля и центра города”.

В своих показаниях на следствии самый главный провокатор всех событий Яков Блюмин заявил однозначно: “Восстания не было”.

Когда вникаешь в очень непростой ход и смысл тех событий, возникает множество вопросов, связанных с их оценкой. Например, мы, основываясь на свидетельствах исторических лиц, да и на самом ходе событий, говорим: мятежа партии левых эсеров 6 и 7 июля 1918 года не было вовсе. Но тогда как быть с давно опубликованным протоколом заседания ЦК этой партии от 24 июня того же года. Там ведь сказано куда как прямо:

“Центральный комитет партии считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма; одновременно с этим ЦК партии постановил организовать для проведения своего решения мобилизацию надежных военных сил и приложить все меры к тому, чтобы трудовое крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддержали партию в этом выступлении”...

Заметим, что указанное заседание ЦК состоялось совсем незадолго до известной исторической даты “мятежа”.

Кроме того, широко опубликованные отечественные источники приводят и конкретные данные о подготовке и отправке в Москву из разных городов России вооруженных боевых дружинников в большом количестве в распоряжение штаба отряда боевой организации партии левых эсеров.

Всё это воспринимается как нашими, так и зарубежными исследователями как реальная подготовка к восстанию против большевистской партии.

Думаю, в таком подходе существует некоторая традиционная заданность и тенденциозность.

Давайте же наконец-то обратим внимание на слова Марии Спиридоновой, прямо заявленные в том же Протоколе заседания ЦК ПЛСР от 24 июня:

“Мы рассматриваем свои действия как борьбу против настоящей политики Совета Народных Комиссаров (то есть Правительства. — П. К.) и ни в коем случае как борьбу против большевиков.

Однако, ввиду того, что со стороны последних возможны агрессивные действия против нашей партии, постановлено в таком случае прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций”.

Подчеркиваю: “к вооруженной обороне”, а не к вооруженному восстанию. То есть левые эсеры не собирались наступать, они желали лишь обороняться.

Полагаю, и это очень важно: Троцкий, Дзержинский и Свердлов грамотно и своевременно воспользовались словестной казуистикой, и сами первыми пошли в наступление, точно выбрав момент.

Если внимательно взглядеться в обстановку тех дней, нетрудно увидеть: левые эсеры их громкой трескотней страшно подставились. Они открыто, на весь мир заявили, что будут убивать немецких граждан, чтобы сорвать Брестский мир, и начали готовить для этого силы и оружие. Я представляю нежданную радость Троцкого и Свердлова: вот он долгожданный момент для расправы с давними закадычными врагами большевиков — эсерами, никчем-

ными фразерами с их глупыми требованиями, с их отрицанием красного террора, с их опорой на серую, бестолковую крестьянскую массу, с их надменным выпячиванием своей якобы ведущей роли как старейшей социалистической партии России.

Теперь они опять прибегают к излюбленной тактике индивидуального террора, с которой можно и не считаться. Они так и не поняли, что террором нельзя победить, террором можно лишь спастись от возмездия. И чем кровавее террор, там легче спастись.

Фактически тот протокол ЦК партии левых эсеров от 24 июня 1918 года больше был нужен большевикам, а не эсерам. И по странному стечению обстоятельств появился он на свет именно в тот момент, когда Троцкому и Свердлову как воздух нужны были основания для разгрома конкурентов.

Кстати, это еще одна загадка того нелепейшего “мятежа”. К ней мы еще вернемся.

Дальнейшие события разворачивались в следующем порядке.

После покушения на Мирбаха его убийцы Блюмкин и Андреев спрятались в чекистском боевом отряде, которым командовал бывший матрос Балтийского флота, член Коллегии ВЧК Дмитрий Попов. При этом Блюмкин, получивший во время покушения травму ноги и нуждавшийся в лечении, был помещен в санчасть этого отряда. Там он находился под другой фамилией.

Тем временем никаких событий больше не происходило. Никто из эсеров ни в отряде Попова, ни в Москве не начинал каких-либо боевых действий.

Так продолжалось, пока в этот отряд не прибыл Председатель ВЧК Феликс Дзержинский. Он требовал выдачи Блюмкина и Андреева, грозил всем арестами и расстрелами, утверждал, что за голову Мирбаха со стороны левых эсеров будет принесена “искупительная жертва” и т. д.

Попов и его подчиненные, выслушав угрозы, разместили Дзержинского и Лациса под охраной в одном из помещений.

Надо отметить, что с задержанными обходились учтиво и через непродолжительное время отпустили. При этом положительную роль сыграли эсеровские руководители Вячеслав Александрович и Юрий Саблин, просившие солдат никого не трогать.

Не преминем напомнить, что Александрович и Саблин, в равной степени ничего преступного не совершившие, были наказаны, мягко говоря, не одинаково. Саблин амнистирован, а Александрович по приказу Дзержинского – расстрелян. Но об этом немного позже.

Не могу не задать вопрос, который сам по себе напрашивается: разве бывают мятежи против государственной власти, в которых с руководителями государства обходятся столь мягко?

Конечно же нет! Победивший революционный народ вешает свергнутых вождей на первом же суку, ставит их к стенке или сажает в железные клетки и волочит эти клетки по городским улицам и разъяренная толпа бросает в них камни. Однако во время событий 6–7 июля не пострадал ни один большевистский вождь!

Это совсем не похоже на кровавый переворот.

Из классики захвата власти мы знаем, что в такие моменты революционеры (мятежники, восставшие) первым делом захватывают наиболее важные стратегические объекты, то есть такие, без которых любая власть не сможет функционировать: телеграф, телефон, почтамт, мосты, вокзалы, электростанции, воинские гарнизоны, основные производства...

Что же было захвачено “восставшими” левыми эсерами 6–7 июля 1918 года? Давайте перечислим эти объекты.

1. В нашей историографии утверждается, что левыми эсерами было захвачено здание ВЧК.

Это не так. Оно вообще не было захвачено. Туда приходили люди из штаба Попова, которые арестовали только заместителя Дзержинского М. Лациса, который вскоре был ими же освобожден. А ВЧК продолжало работать в обычном режиме.

2. Якобы была занята телефонная станция.

Однако управляющий Московской телефонной сетью С. Л. Пупко в своих показаниях на следствии утверждает, что там всё время менялись караулы, но ни о каком захвате этого учреждения левыми эсерами он не упоминает.

3. Утверждается, что был осуществлен захват телеграфа.

И это не так. Сотрудники телеграфа работали в нормальных условиях. Экстремистским было лишь то, что туда вместе с десятью вооруженными людьми приходил бывший нарком связи России левый эсер П. Прошьян, который отправил в регионы России телеграммы, а затем вернулся в штаб Попова.

Надо согласиться, что и это совсем не похоже на революционные действия восставшей партии.

Ну а уже 7 июля большевики решили, вероятно, что надо прекращать комедию. Они подкатили к штабу Попова пару артиллерийских орудий и сделали пару-тройку залпов.

Весь отряд красного чекистского командира и лихого балтийского матроса Дмитрия Ивановича Попова с невероятной скоростью разбежался в разные стороны. Как цыплята на огороде, над которым завис ястреб.

Потом эти действия назовут “подавлением восстания левых эсеров”.

Вот вам и все события, так драматически поданные в советской исторической науке. Мятаж, которого, как мы видим, не было вовсе. А была инсценировка нужна большевикам для решения своих политических задач.

В результате этой инсценировки отряд чекиста Попова потерял двух человек убитыми и двадцать ранеными. Еще упомянем двенадцать расстрелянных чекистами бойцов поповского отряда после тех событий и безвинную жертву интриги Дзержинского – его заместителя В. А. Александровича. С большевистской стороны не пострадал никто.

Ну и, конечно же, закономерно, что старейшая социалистическая партия России – партия социалистов-революционеров именно в эти июльские дни прекратила свое существование как самая мощная политическая сила России.

На их место пришли переигравшие их большевики.

Так что же все-таки было?

Имела ли место реальная попытка левых эсеров перехватить власть в стране?

Думаю, что в той конкретной ситуации такой попытки не было. Это отчетливо видно из хроники событий. Была лишь удачно выстроенная большевиками интрига.

Но было бы большой ошибкой представлять здесь эсеров белыми овечками, а большевиков серыми волками. Я преисполнен уверенности, что и те и другие были лютыми хищниками, одинаково рвущимися к власти. Просто одни проморгали верный исторический момент, задержались на старте и подставили под клыки соперника свой незащищенный бок. И тот не упустил возможности разорвать врага.

Не забудем сотни лучших сынов и дочерей России, убитых во времена террора, развязанного эсерами. Вспомним “кровавое воскресенье”, инспирированное эсеровскими провокаторами, гибель надежды России – Столыпина, бросание бомб в достойных государственных мужей – всех тех, кто двигал Россию вперед и угрожал тем самым Западу.

Думаю, что, не отдав Россию левым эсерам, Богородица в очередной раз спасла нашу страну от западной заразы.

Но в этом материале нам интересно и другое: как, используя какие средства и методы, Троцкий и его подельники сумели в короткие сроки подготовить и осуществить высокочувствительную оперативную игру с сильным противником и победить в этой игре.

И вот здесь самое время немного позаниматься конспирологией.

А как же иначе, без этого нам не разобраться в том, например, почему никто из активных и видных эсеров не поддержал матросиков из отряда Попова, которые одни пошли выступать за “великое эсеровское дело”? Ведь они даже эсерами-то не являлись. Рядовые бойцы чекистского отряда. Почему на улицы Москвы и других городов, если это был мятеж, не вывалили тысячи членов этой могучей партии? Почему партийные главы не вывели их на бунт?

Да и сами главари, хотя бы один из сотен их, не вышел туда же? Они что – не понимали, что после шума, наделанного в Москве, им всем и их партии в любом случае наступит конец? Так надо уж было гурьбой вываливать на улицы и брать наконец-то власть. Тем более, что и оружия и бойцов у эсеров было достаточно.

Согласитесь, в этих вопросах присутствует серьезный резон.

Как тут обойтись без конспирологии, ведь, говоря объективно, в этой операции по нейтрализации целой партии и Дзержинский, и Троцкий, и Свердлов проявили недюжинное оперативное-чекистское мастерство. Согласитесь, одним махом обессилить самую крупную партийную организацию в стране было бы непросто любой изоцированной спецслужбе. Но ведь справились же!

Скажу вам со знанием дела: это можно сделать только при наличии очень сильных агентурных позиций в стане противника.

Поразмышляем вместе.

Изучите биографии некоторых лидеров левоэсеровской партии, что стало с ними после тех событий, и вам многое станет ясно. С врагами ведь по-вражески. Дорога им в переломные годы – в тюрьму, на каторгу или под расстрел. А что с теми, кто поработал на общее дело, кто грамотно выполнил поставленную ВЧК задачу? Они – соратники, у них всё хорошо.

Мы уже упоминали людей, принимавших непосредственное участие в убийстве немецкого посла Мирбаха, а именно Якова Блюмкина, Анастасию Биценко и Якова Фишмана. Их жизнь сразу после акта террора сложилась весьма удачно. Блюмкин дослужился до генеральских должностей и в Красной Армии и в органах государственной безопасности. А это как раз ведомства, возглавляемые Троцким и Дзержинским. Стали бы они так лелеять в своих структурах человека, чуждого по взглядам и по духу, чужого?

Фишман и Биценко после тех событий работали на крупных государственных постах. При этом Фишман, как и Блюмкин – под началом Дзержинского и Троцкого, в том числе и в закордонной разведке и тоже стал генералом. А ведь и Биценко и Фишман являлись крупнейшими руководителями враждебной большевикам партии – членами ЦК партии левых эсеров. Почему одних расстреляли или в тюрьму посадили, а эти стали генералами?

Могло ли это быть простой случайностью?

Какая уж тут случайность! Мы ведь знаем, что именно Лев Троцкий официально координировал действия всех органов государственной власти во время расправы над левыми эсерами. Именно он руководил действиями людей, в этом участвовавших. Он дергал за ниточки, направляя работу агентуры ВЧК, проникшей в руководящие звенья левоэсеровской партии.

С это работой Лев Давидович справился блестяще!

Андрей Лукич Колегаев – один из создателей и руководителей российской партии левых эсеров. После октябрьского переворота – нарком земледелия России, член ЦК ПЛСР. Когда завершились июльские 1918 года события, Троцкий назначает Колегаева членом Реввоенсовета России и председателем продовольственной комиссии Южного фронта.

Напомним, что и Реввоенсовет, и Южный фронт находились в подчинении того же Льва Троцкого как наркома по военным и морским делам.

Затем Колегаев работал в структурах, возглавляемых Ф. Э. Дзержинским. В частности, являлся начальником Хозяйственно-материального управления Наркомата путей сообщения и членом Коллегии данного Наркомата, когда его возглавлял Дзержинский.

Необъяснимая, казалось бы, карьера у одного из руководителей партии, являвшейся врагом большевиков. Но, если мы обратимся к концепции управляемого агентурного влияния, то ничего странного не увидим. И становится ясно, почему партия левых эсеров в нужный для большевиков момент оказалась столь беспомощной и вела себя так, как это нужно было большевикам.

Аналогично проявили себя и некоторые другие крупнейшие лидеры партии. Для них также характерны тесные взаимоотношения с Троцким и Дзержинским, что, безусловно, не может быть простой случайностью

Юрий Владимирович Саблин, являвшийся одним из лидеров левоэсеровской партии, в дни так называемого “мятежа” сделал, на мой взгляд, всё от него зависящее, чтобы его партия не проявила никакой активности. И в этом преуспел. После июльских событий 1918 года работал на значительных должностях в структурах, возглавляемых Дзержинским. Например, являлся руководителем партизанского движения на Харьковщине. Затем командовал воинскими частями и соединениями под руководством наркома обороны Л. Д. Троцкого.

Марк Аронович Натансон – один из старейших революционеров, создавший в России в 1860 – 1870-х годах народническое движение и общество

“Земля и воля”. Близкий знакомый Г. Плеханова, В. Ленина и Л. Троцкого. Член Центрального Комитета партии левых эсеров. Активный сторонник Троцкого. Все структуры эсеровской партии России создавались при методическом и организационном участии Натансона.

После июльских событий вышел из партии левых эсеров. В 1919 году ему было позволено выехать в Швейцарию, где он проживал до своей смерти.

Алексей Михайлович Устинов, один из руководителей партии левых эсеров, член ее ЦК, племянник П. А. Столыпина. В период Октябрьского переворота как член Петроградского РК работал в непосредственном контакте с Л. Троцким. После событий 6–7 июля долгое время служил в структурах Дзержинского и Троцкого в России и за рубежом. Один из основателей Советской разведки.

Григорий Давидович Закс – один из создателей партии левых эсеров. В 1917 году работал вместе с Троцким в Петроградском Военно-революционном комитете. В 1918 году являлся заместителем начальника контрразведывательного отдела ВЧК, в котором работал Я. Блюмкин, затем служил заместителем Дзержинского. После событий 6–7 июля, будучи одним из руководителей партии левых эсеров, неожиданно выступил против своей партии и уже в ноябре того же года вступил в коммунистическую. Впоследствии служил под руководством Троцкого в Красной Армии, закончил Военную Академию Генерального штаба, работал в военной разведке.

Характерно, что все указанные выше революционеры прошли один и тот же партийный путь: сразу после так называемого мятежа левых эсеров и так называемого его подавления они, как один, вступили в большевистскую партию.

Полагаю, что перечисленные факты, хотя и косвенно, но могут говорить о многом. Например, со значительной долей уверенности мы можем предполагать, почему не состоялся и не мог при таком вот руководстве состояться мятеж партии левых эсеров.

Согласитесь, что Лев Троцкий, этот сверхосторожный человек, не стал бы работать с людьми, готовившими против него заговоры. Ясно, что он приблизил их потому, что полностью им доверял, и потому, что, когда ему это было нужно (6 и 7 июля 1918 года), они его не подвели. С такими “своими” людьми в руководстве лево-эсеровской партии Троцкий и Дзержинский могли делать с этой партией что угодно, вести ее в любом нужном для них направлении, направлять ее работу в любую сторону.

Что они и сделали.

Есть во всем этом деле еще одна загадка, которую как-то страшновато даже и высвечивать.

Имею в виду личность самой главной участницы всех этих событий – лидера партии левых социалистов – революционеров Марии Александровны Спиридоновой.

Скажу сразу: я не верю в то, что Мария Спиридонова, идейная террористка, фанатка своих взглядов, могла опуститься до предательства своей партии, своих товарищей и начать тайно сотрудничать с ВЧК и с большевиками, как это делали многие ее подчиненные.

И всё же и всё же...

Вспомним, что именно она подписала Протокол заседания ЦК партии левых социалистов-революционеров от 24 июня 1918 года, где от имени всей партии публично заявила о необходимости “организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма”. Нельзя не признать, что этот абсурдный, неуместный и несвоевременный на тот момент призыв явился прямой провокацией, в результате чего большевики срочно подготовили и осуществили 6 и 7 июля свою инсценировку, назвав ее “левоэсеровским мятежом”. Опрометчивые действия Спиридоновой привели к уничтожению ее же партии, то есть к результату, нужному не ей, а Троцкому, давно искавшему повод разгромить своих соперников. Трудно себе представить, что Спиридонова, эта мастерица хитроумных комбинаций, не понимала, к чему приведет открытый призыв к убийствам представителей иностранных государств на территории России, которой руководит враждебная партия. Ведь она как бы сама подтолкнула большевиков к разгрому эсеров.

Далее, нельзя не вспомнить, что в последнее перед провокацией время Спиридонова настоятельно утверждала, что “порвать с большевиками – всё

равно, что порвать с революцией”. Хотя большинство членов ее партии так не считало. Фактически она сама шла на контакты и сотрудничество с ленинской партией.

Безусловно странным является тот неоспоримый факт, что она одна обговаривала с Яковом Блюмкиным необходимость и детали убийства графа Мирбаха. Об этом свидетельствуют и она сама и Блюмкин. При этом также известно, что ни с кем из своих же партийцев она по этому поводу не советовалась и никому ничего не сообщала. Что же это, спрашивается, как не подстава партии? Ведь она не в бирюльки с Блюмкиным играла, а шла на убийство иностранного посла. Причем действия ее были прямо направлены на развязывание войны России с Германией. Понятно ведь было, что последствия для эсеров будут страшными. Что и произошло.

Может быть, Спиридонова не ведала, что творила, и допустила детскую наивность? Верится с большим трудом.

Вывод опять тот же: Спиридонова сама подтолкнула партию левых эсеров к кризисной ситуации.

И еще один аргумент не в пользу Марии Спиридоновой.

Если с юридической стороны ни в чем не повинный член ЦК партии В. Александрович был расстрелян, то лидер партии, фактический организатор убийства немецкого посла Мирбаха М. Спиридонова была вскоре амнистирована вместе с Ю. Саблиным, который явно работал на Троцкого.

За что же такая милость к “организатору антибольшевистского заговора”?

И все же я до конца не верю, что фанатичная революционерка Мария Спиридонова могла предать интересы своей партии и своих товарищей по партии. Не хочу в это верить. Правда, нельзя исключать, что стальной этот человек оказался в обстоятельствах, переломивших ее упрямую натуру. Мы ведь хорошо знаем, что в безжалостной борьбе за власть были сломлены многие сильные личности. Возможно, и к ней был подобран некий ключ...

Со всей очевидностью высвечивается логичная гипотеза: если Троцкий и Дзержинский сумели найти такие ключи к Спиридоновой и к ближайшему ее окружению и смогли воздействовать на них в нужном для себя направлении, то вообще все события 6 и 7 июля 1918 года были полностью срежиссированы ими и никем другим. Левыми эсерами в руководстве этой игрой вообще и не пахнет.

Им досталась только роль крапленых карт, которых опытные шулеры достают в нужный момент из своих рукавов.

Существует еще одна фигура в этой шулерской игре под названием “левоэсеровский мятеж”, роль которой мне до сих пор не до конца понятна.

У меня есть множество вопросов к этому человеку.

Дмитрий Иванович Попов, двадцати девяти лет от роду, бывший матрос Балтийского флота, левый эсер, член Коллегии Всероссийской Чрезвычайной комиссии, непосредственный подчиненный Ф. Э. Дзержинского, командир Боевого отряда ВЧК численностью около 600 человек. То есть человек, входивший в узкий круг главных руководителей ВЧК. Понятно, что по роду своей деятельности он теснейшим образом был связан с Председателем ВЧК.

Перед 6 июля Попов действительно вел пропаганду против Ленина и Троцкого, заявляя, что те распродают Россию и отправляют в Германию народное богатство. Во время июльских событий Попов был все время в подвыпившем состоянии. Он крепко буянил и призывал к расправе с большевиками, которые предали Россию, заключив Брестский мир. Попов также заявлял о необходимости возобновления войны с Германией, то есть провозглашал обычные эсеровские лозунги. При этом ни Попов, ни его солдаты и матросы никого не подвергли каким-либо репрессиям, кроме, может быть кратковременного задержания Дзержинского, Лациса и некоторых других товарищей, которые, как мы знаем, были выпущены на свободу без каких-либо унижений и притеснений. Поповцы наделали много шума в городе своей пальбой и пьяными выкриками, и больше никаких революционных действий не совершили. Когда красногвардейцы пошли на них в атаку и несколько раз пальнули из орудий, отряд Попова, несмотря на численный перевес, почему-то немедленно разбежался, а потом и сдался властям.

Всё это похоже на бутафорию в театральной постановке.

Было, правда, несколько телеграмм, разосланных по стране, где изве-

шалось, что вся власть теперь перешла в руки левых эсеров. Но реально эту власть никто брать и не собирался и не предпринимал для этого никаких действий. Это были громкие, но пустые декларации, вероятно, организованные Троцким, Дзержинским и Свердловым для доказательства, что мятеж всё же был.

Повторяю: имитацию восстания создавала только часть чекистского отряда, подчиненного Дзержинскому. Миллионная армия левоэсеровской партии в Москве и по всей стране в этом вообще не участвовала.

Вот почему у меня возникают сомнения относительно роли Дмитрия Попова во всём этом деле. С одной стороны – проклятья в адрес большевиков и требования прекратить Брестский мир, а с другой – пустая возня, пьяный шум, глупая пальба в городе.

Мы же можем представить картину реального мятежа: этот боевой парень Попов со своей военной силушкой мог бы захватить Кремль, взять все правительственные учреждения, арестовать Ленина, Троцкого и других руководителей. Он мог бы на самом деле узурпировать власть в стране. А он ничего не захватил и никого не расстрелял. Согласитесь, странно. Так восстания не делаются. Думаю, что Попов это знал не хуже меня.

Для того чтобы продолжить свои сомнения относительно роли, сыгранной Поповым в те дни, дополню свой рассказ некоторыми интересными подробностями.

Любопытно, что и сам Попов и Блюмкин с Андреевым, скрывавшиеся в его отряде после убийства Мирбаха, а также и Саблин и Фишман потом вместе оказались в партизанском движении на Украине, руководителем которого был Ф. Дзержинский.

Затем Попов поступил в армию Нестора Махно и был там одним из командиров. Одной из основных его задач было договариваться от имени Махно с Красной Армией о совместных действиях против врангелевских войск. В последний период боевых действий он был представителем армии Махно на красном Южном фронте и объявил себя анархистом-коммунистом.

Дальнейшая судьба бывшего уроженца Подмосковья и красивого матроса Дмитрия Попова печальна, как традиционно печальна судьба всех рьяных революционеров.

В ночь на 26 ноября 1920 года он был арестован в Харькове и по приказу Дзержинского направлен в Москву. В мае 1921 года Попов был расстрелян по приговору ВЧК, подписанному Дзержинским, во внутренней тюрьме Лубянки.

Собственно говоря, другой судьбы после участия в столь темном деле, как “заговор левых эсеров”, у этого русского парня и быть не могло. Он ведь не был, как Фишман, Саблин или же Блюмкин, близким человеком Льву Троцкому. К тому же он слишком много знал...

О том, что Попов был весьма осведомленным человеком, говорит хотя бы тот факт, что буквально перед началом всех событий с ним встречался и проводил какие-то переговоры начальник охраны Ленина А. Я. Беленький.

О роли Ф. Э. Дзержинского во всей этой дурно пахнущей истории мы уже говорили в этой статье. Это была ведущая роль. В той чекистской операции, где всё от начала и до конца было сплошной провокацией, Дзержинский вместе с Троцким проявили высшую степень коварства и изощренной хитрости.

Откуда такое коварство по отношению к людям, среди которых довелось жить ему, польскому дворянину? Кстати, у его отца странное имя – Фрумкин Эдмунд-Рувим Иосифович. Впрочем, я плохо разбираюсь в польских именах...

Говорят, он был русофобом, говоря попросту, не любил русских. Он сам так вспоминал о своем детстве: “Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке, чтобы стать невидимым и безнаказанно убить как можно больше русских”.

Эту свою детскую мечту он осуществил в зрелом возрасте, когда, надев шапку руководителя чрезвычайной комиссии, развязал в России “красный террор”. Без суда и следствия были казнены тысячи ни в чём не повинных людей, были введены в практику расстрелы безвинных заложников, создана система лагерей смерти, в которых погибли жертвы Кронштадта, Тихого Дона, участники крестьянских восстаний, сотни и тысячи священнослужителей.

В архивах Комитета Государственной безопасности я видел множество документов, где рукой Дзержинского были синим и красным карандашом напи-

саны резолюции: “Расстрелять” и “Расстрелять немедленно”. Эти резолюции стояли на списках, где перечислялись сотни людей, участвовавших в акциях неповиновения, или жителей казачьих станиц, подлежащих расказачиванию.

Политические пристрастия Дзержинского мутны и неопределенны и в разное время разные. Так, в молодости он контактировал с Бундом (по некоторым данным состоял в нем), затем переметнулся к социал-демократам, продолжительное время был левым коммунистом и, как все левые коммунисты и левые эсеры, был против подписанного Лениным Брестского мира. Может быть, поэтому Ленин всегда относился к Дзержинскому с недоверием. Также вполне вероятно, что именно поэтому Дзержинский с таким рвением участвовал вместе с Троцким в операции “мятеж левых эсеров”.

Сразу после убийства германского посла графа Мирбаха Дзержинского, уши которого сильно торчали из всей этой истории, срочно скрыли от посторонних глаз и как бы отправили в отставку. 8 июля 1918 года он сам написал прошение в СНК, что не может больше исполнять обязанности Председателя ВЧК, так как “является главным свидетелем всего происшедшего”.

Он, конечно же, знал, что вернется обратно. Наверняка, его на время убрали из ведомства, чтобы он побыл где-то вне его, пока всё уляжется, пока утихнут страсти. Ведь, несмотря на внешнее благополучие проведенной операции, было совершено немало ошибок, вполне заметных для того, кто захотел бы покопаться во всей истории. Например, не надо было быть большим сыщиком, чтобы понять, что Дзержинский вляпался в нехорошую историю с этой якобы липовой его подписью на мандате Блюмкину и Андрееву. Любой мало-мальски грамотный эксперт возьмет да и сверит подпись на мандате с его настоящей подписью и обнаружится: подпись-то подлинная!

Дзержинский принял, как ему казалось, единственно верное решение: надо опередить возможный скандал и самому инициировать вопрос экспертизы подписи и легализовать факт ее подделки. За этой подписью много чего стоит: провокация с Мирбахом, расстрел его заместителя Александровича, который был вообще не при чём, инсценировка мятежа, расстрелы солдат и матросов, которые виновны лишь в том, что наделали шум в городе, когда ему, Дзержинскому, это было нужно...

Поэтому, вернувшись на работу из “отставки”, 22 августа 1918 года, он немедленно вызвал к себе нужных людей и уже на следующий день (!) 23 августа некий эксперт особой следственной комиссии С. И. Фролов сделал заключение, что “подпись на удостоверении сделана не Дзержинским”.

Скажите мне, пожалуйста, а какое другое заключение мог вынести этот самый исполнитель Фролов, если он сам и его начальник и вся эта следственная комиссия в конечном итоге подчинялись самому Феликсу Эдмундовичу? Все они вместе взятые и дня не прожили бы, если бы написали чего-нибудь другое.

Итак, как мы теперь отчетливо видим, Троцкому и его сподручному Дзержинскому неплохо удалась операция под названием “мятеж левых эсеров”. Придумал ее несомненно Лев Троцкий, гениальный изобретатель исторических комбинаций. Придумал и организовал основные этапы ее проведения. Мы имеем право это утверждать, так как всю работу по “подавлению мятежа”, согласно официальной истории, курировал лично он. Кроме того, на материалах данной статьи хорошо видно, сколько реально близких ему людей было задействовано в осуществлении деликатных мероприятий по уничтожению противоборствующей коммунистам партии – партии левых социалистов-революционеров.

Он, Лев Троцкий, дергал за все тайные ниточки.

Однако История неумолимо всё когда-то вскрывает. Как говорится в Священном Писании: “Нет ничего тайного, что не стало бы явным”. И мы по прошествии множества лет можем утверждать, что:

– восстания партии левых эсеров 6 и 7 июля 1918 года не было вовсе. Всё с самого начала было инспирировано ВЧК, действующей по указаниям Л. Д. Троцкого;

– имеющиеся исторические материалы свидетельствуют, что левые эсеры всё же готовились к неким вооруженным оборонительным или наступательным акциям, планируемыми на более поздний срок. Проведенная чекистами акция сорвала эти приготовления и создала условия для разгрома партии левых эсеров в целом;

– эти предполагаемые акции левых эсеров в любом случае были обречены на провал, так как основные их руководители были подконтрольны Троцкому и Дзержинскому и на них работали. Партия на тот период уже была разложена действующей внутри агентурой ВЧК.

Надо сказать еще о том, что у Троцкого не получилось до конца выполнить задачу его заокеанских хозяев – столкнуть Ленина и немцев и в результате убийства посла Мирбаха начать новую фазу войны с Германией, что привело бы к интервенции всей России войсками Антанты и США. Не получилось по объективным причинам, так как это было бы опасно и для Троцкого и для всей большевистской власти.

Но Троцкий об этом в глубине души сожалел. Не зря же на вручении командир латышских стрелков Вацетису награды в 10 тысяч рублей за подавление восстания Троцкий полушутя заметил ему, что тот действовал умело, но своим усердием сорвал “важную политическую комбинацию”.

Какую? Теперь понятно: разрыв большевиков с немцами не получился. А Лев Давидович с американцами так этого хотели...

И последнее.

Я хотел реабилитировать ни в чем не повинного, незаконно расстрелянного человека – заместителя Председателя ВЧК Вячеслава Александровича Дмитриевского (Александровича), а оказалось, что он перед российским законом давно уже реабилитирован. Он был оправдан на основании п. 3 ст. 5 Закона РСФСР “О реабилитации жертв политических репрессий”. В заключении Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 апреля 1998 года было сказано: “...никаких доказательств совершения Александровичем каких-либо противоправных действий против советской власти и революции в деле не имеется. Сведений о подготовке террористического акта над Мирбахом Александрович не имел, а заверение удостоверения от имени Дзержинского, дающее полномочия Блюмкину и Андрееву на аудиенцию у посла Р. Мирбаха, не может служить основанием для привлечения Александровича к уголовной ответственности и его осуждению”.